

УДК 811.161.1'373

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНДЕКСА ИНВЕКТИВНОСТИ ПРИ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЗООМЕТАФОР В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А. С. Маслов

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
maslov_as@bsu.edu.ru*

В статье представлено теоретическое обоснование возможности использования математических методов при определении языковых особенностей зоометафор в русском языке. Предпринимается попытка охарактеризовать частотные зоометафоры с помощью индекса инвективности (степень представленности инвективных сем в лексеме) на основе данных пилотного лингвистического эксперимента.

Ключевые слова: зооним, зоосемизм, зооморфизм, зоологическая метафора (зоометафора), индекс инвективности, инвективная сема, языковая картина мира, гендерные характеристики, дивергенция словесных знаков.

В культуре любого этноса представлены образы животных как наиболее древние образы, своими корнями уходящие в эпоху становления религиозных верований. Длительная история функционирования в языке позволила им получить дополнительную смысловую нагрузку, превратив в своеобразные ментальные образования — образы-символы, в которых зашифрованы основные представления социума о внешних и внутренних характеристиках человека (особенности внешнего вида, сила, сексуальная активность, характер, интеллектуальное развитие и пр.). Так, *змея* в русской языковой культуре стала одновременно символом мудрости и олицетворением хитрости и коварства (именно такими характеристиками её наделяет русский народ в фольклоре), *лев* — олицетворением силы и благородства, *кошка* — эталон свободолюбия и независимости и т.д. Как видим, даже из этих примеров, основная функция зоометафорических единиц в системе лингвокультурологического знания — аккумулярующая. Образы животных аккумулируют представления социума о системе ценностей и норм поведения в виде мифологем, стереотипов и эталонов.

Для обозначения этого разряда лексики существует целый ряд терминологических вариантов: «зооним», «зоосемизм», «зооморфизм», «зоометафора», «зооморфная метафора», «анималистическая метафора» («метафора-анимализм»), «фаунистическая метафора», «языковая метафора применительно к названиям представителей животного мира», «обозначения животных для метафорических обозначений человека».

Мы не будем останавливаться подробно на особенностях каждого из этих терминов, потому что эта тема уже достаточно подробно представлена в работах лингвистов (А. Б. Антонова, Р. Я. Солодкин и др.), сделаем только несколько замечаний относительно тех толкований, которые мы будем использовать в своём исследовании. М. Н. Лапшина использует термин «зооним» для обозначения наименований животных в первичной номинации. Она отмечает, что зоонимы «на протяжении веков служат богатым источником для появления **зооморфизмов** — метафорически мотивированных имён лица» [1, с. 56]. Как видим, понятия «**зооморфная метафора**» и «**зооморфизм**» используются ею как синонимы.

В работах А.И. Киприяновой встречаем термин «**зоосемизм**» (буквально «содержащий в себе наименование животного»). Под термином зоосемия исследователь понимает родовидовую сверхобщность, в которой виден приоритет переносного значения входящих в неё лексем. Как объекты первичной номинации эти лексемы тяготеют к сфере терминологии, в переносном же значении они получают заряд эмоциональности и образности и становятся широко употребительными как в повседневном общении, так и в литературе, придавая языку идиоматичность [2, с. 12]. Мы склоняемся к мнению, что, исходя из первичного значения термина, к зоосемизмам следует от-

носить сложные деривационные образования, в основе которых лежит зооним. При таком рассмотрении понятия *зооним* в широком смысле и *зоосемизм* нами воспринимаются как синонимичные, и мы используем их для обозначения представителей фауны – как термины, именующие объекты первичной номинации. Для обозначения лексем в переносном значении мы употребляем термины «зоологическая (зоонимная) метафора» («зоометафора») и «анималистическая метафора» («метафора-анимализм»).

Промежуточную позицию занимают зооморфизмы (буквально «представление божеств в виде животных» или «использование животных как символов в искусстве, литературе и т. д.») – ещё одна коннотативно-метафорическая номинация, в основе которой лежит образ животного. В отличие от зоонимных метафор зооморфные образования воспринимаются как способ обозначения индивидуализированного автором субъективного символа, причём результат метафорического переноса не является его единственным референтом. Таким образом, термины «зоологическая (зоонимная) метафора» («зоометафора») и «анималистическая метафора» («метафора-анимализм») используются нами как синонимы для обозначения объектов вторичной (производной) номинации.

После того, как мы определились с используемой терминологией, перейдём к рассмотрению предмета нашего исследования. Царство животных – пример «живой» парадигмы, элементы которой и отношения между ними используются в качестве определённой модели восприятия и вербализации действительности русского этноса. Как справедливо утверждает Е.В. Дерюгина, «основанием для использования наименования животного – **зоонима** – во вторичной номинации становится способность людей благодаря абстрактному, образному мышлению соотносить объекты реального мира со сферой оценочной деятельности человека, что ведёт к метафорическому переносу значения слова и образному сравнению» [3, с. 211]. Обращение к истории зоометафорических единиц позволяет говорить об их функционировании на всех этапах существования языков. В частности это отмечает профессор В. К. Харченко: «Образы животных дают пищу метафорам во всех языках, на всех этапах существования языков, и, более того отдельные метафоры в русском языке (*сокол*, *пёс*) являются многовековыми, задействованными с XIV века, если не ранее. Театр зверей своего рода зеркало, в которое смотрится социум, боясь оскорбляющих человеческое достоинство аналогий» [4, с. 110].

В исследовании Ю. Н. Караулова находим объяснение происхождения языковой образности языковых единиц. «Снимая в образности слой за слоем, мы констатируем в ней застывшее гносеологическое усилие, моментальную фиксацию акта перехода от одного поля в тезаурусе (например, «дикие животные, опасные») к другому («свойства человека»). Но для того чтобы такой переход был возможен и совершился, надо обладать знаниями о том, что *змея* коварна, *заяц*, скажем, труслив, пуглив, имеет обыкновение спасаться бегством от опасности, *медведь* неуклюж, но силен, а *голубка* нежна и безобидна. Этот переход не есть принадлежность вербально-ассоциативного уровня, он есть порождение знаний» [5, с. 176 – 177]. Мы разделяем мнение учёного и также полагаем, что корни языковой образности зоонимных метафор лежат в тезаурусе, в системе знаний, а не исключительно в семантике самих языковых единиц.

Если же говорить о характере этой образности, то следует акцентировать внимание на преобладающем отрицательном значении зоометафорических единиц. Об этом, в частности, говорит в своей работе Ф. Н. Гукетлова: «Отрицательно-оценочное значение [зоометафор] встречается намного чаще, так как через него и фиксируется нарушаемая норма поведения: выделяются типовые стратегии негативной оценки, связанные с умственными способностями, с отношением к труду, к другим людям, к другому этносу, к собственности» [6, с. 123]. Мы, в свою очередь, в качестве гипотезы выдвигаем тезис о том, что процесс приобретения зоонимами переносного значения рано или поздно завершается оформлением этого значения как отрицательно-

оценочного. Возможность такого смелого утверждения обусловлена выводами, сделанными нами в ходе бакалаврского и магистерского исследования, с опорой на лексикографические и эмпирические (современная литература и интернет-дискурс, ассоциативные эксперименты) данные. Обоснование этого тезиса более подробно представлено в тексте нашей диссертации.

Следует упомянуть об особенностях фиксации значений зоометафор (как отрицательных, так и положительных) в толковых словарях. Несмотря на то, что названия животных в переносных значениях давно употребляются в речи, словари отмечают такие значения иногда со значительным опозданием. Эта временная дистанция, как считает О. Е. Фролова, обусловлена хронологическим процессом выделения некоторой доминанты в облике или поведении животного. «Иногда, чтобы человек мог выявить важнейшую черту у животного, дистанция между субъектом и объектом наблюдения должна быть увеличена — как с домашними животными, а иногда расстояние между человеком и животным должно сократиться — как с дикими зверями. Видимо, поэтому словари достаточно поздно отмечают переносные антропоцентрические значения у существительных, называющих домашних и диких животных, обитающих в средней полосе России...» [7, с. 147]. Но временная дистанция при фиксации значения — это всего лишь одна из главных особенностей зоометафорической единицы как объекта лексикографии. Другая же — заключается в том, что в случае с анималистическими метафорами невозможно точно определить коннотативный компонент значения, опираясь только на данные словарных дефиниций и стилистических помет. В данном случае, в частности, не учитывается гендерный принцип восприятия одного и того же языкового знака. Исследователь В. И. Заботкина называет это явление **дивергенцией словесных знаков**, вызываемой параметром пола. Так, лингвист в своей работе отмечает, например, что лексема *fox* ('an attractive girl or woman') не сопровождается в словаре пометами, указывающими на её эмоциональную окраску, а, если судить по дефиниции, оно окрашено положительно. «Однако по результатам опроса информантов-женщин (во всех возрастных группах) это слово несёт отрицательные коннотации; по данным же опроса информантов-мужчин оно маркировано положительно» [8, с. 81]. Данное мнение полностью совпадает с полученными в ходе нашего исследования выводами о том, что для получения полной и достоверной картины функционирования всех оттенков значения зоометафорических единиц, необходимо сочетать анализ словарей с опросом информантов. Таким образом, мы представили теоретическое обоснование предмета нашего непосредственного исследования, о котором пойдёт речь далее.

При рассмотрении зоометафорической инвективной лексики (как, собственно, и инвективной лексики вообще) нередко возникает вопрос, как определить, какое слово из входящих в данную лексико-семантическую группу является наиболее оскорбительным? Что должно стать мерилем в данном случае: культурные и ментальные стереотипы, данные толковых словарей или, может быть, актуальные данные социолингвистических исследований? В своей работе мы предприняли попытку использования математических методов с целью определения степени инвективности отдельных лексем. Понимая, что в случае использования подобных методов по отношению к языковым явлениям можно говорить, в лучшем случае, о вероятностном и приблизительном характере полученных данных, мы всё же полагаем, что, по крайней мере, числовая характеристика лексического значения позволяет получить конкретное представление о том, что думают информанты о степени представленности в той или иной лексеме инвективных сем.

Взяв за основу данные толковых и ассоциативных словарей, а также результаты лингвистических экспериментов, которые мы проводили в ходе ранее осуществлённого нами исследования, мы предложили респондентам распределить слова из группы зоометафор в порядке усиления негативного значения. Для большей валидности результатов нами использованы задания трёх типов: 1) распределение слов в порядке

усиления негативного смысла, 2) выбор из пары лексем наиболее оскорбительной и 3) выбор из группы слов наиболее и наименее оскорбительных.

Принимая во внимание отмеченный ранее факт о значимости гендерных различий при восприятии одних и тех же языковых единиц, а также предполагая аналогичный характер зависимости результатов языкового исследования от социальных и возрастных особенностей респондентов, в первую часть вопросов нашей анкеты мы включили определение возрастных, социальных, гендерных и географических (место рождения и проживания) особенностей респондентов. Индекс инвективности (степень представленности инвективных сем в лексеме) мы определяем как среднее арифметическое каждой социальной и возрастной категории по каждому ряду слов, которые респонденты располагали в порядке усиления негативного смысла.

В качестве экспериментального материала нами были взяты три лексико-семантические группы: 1) «глупая девушка (женщина)» (*гусыня, корова, тварь, утка, ворона, тёлка*), 2) «глупый юноша (мужчина)» (*осёл, пёс, котёнок, мышонок, пингвин, щенок, кот, баран, гусь, ёжик, утёнок, воробей, дятел, индюк*), 3) «сексуально активный юноша (мужчина)» (*жеребец, кобель, козёл, кот, обезьяна, кролик, суслик, мерин, заяц, мартовский кот*). Чтобы подтвердить свои выводы об уместности объединения данных лексем в единые тематические группы, в качестве контрольного вопроса мы предложили респондентам указать, какие качества, по их мнению, номинируют слова каждой группы.

В пилотном эксперименте приняли участие двадцать юношей и девушек, обучающихся в вузе (одна социальная группа), в возрасте 18-20 лет (одна возрастная группа), которые большую часть времени провели в городе (поселениях городского типа) или сельской местности (деревне, посёлке, селе). В дальнейшем планируется более масштабное исследование, в котором в равной степени будут представлены данные, полученные по другим социальным и возрастным группам.

Результаты оценки индекса инвективности первой группы слов представлены в табл. 1.

Таблица 1

N п/п	Зоометафоры	Средний показатель в каждой социальной группе			Индекс инвективности
		женщины, студенты, город ¹	мужчины, студенты, село	мужчины, студен- ты, город	
1.	ворона	2,5	2,3	1,6	2,13
2.	утка	1,9	2,6	2,2	2,23
3.	гусыня	2,3	3	1,8	2,37
4.	корова	4,4	3,3	3,8	3,83
5.	тёлка	4,4	3,6	3,6	3,87
6.	тварь	5,5	6	5,4	5,67

Здесь и далее мы представляем лишь некоторые выводы относительно полученных результатов. Как видим, наибольший индекс инвективности среди представленных лексем у номинации *тварь*: во всех трёх группах респондентов именно эта лексема лидирует как самое оскорбительное слово. Но в отношении остальных слов такого единодушия не наблюдается: так, например, лексема *тёлка* оценивается молодыми людьми в селе и в городе менее оскорбительно, чем девушками. В данном случае, следует учитывать, что номинация *тёлка* часто используется мужчинами как обшее ироничное обращение к представительницам женского пола и не воспринимается

¹ Количество девушек-студенток, большую часть времени проводивших в сельской местности, представляется малым для фиксации объективного результата исследуемого признака, поэтому здесь и далее в таблицах мы не приводим эти данные

при таком словоупотреблении как нечто оцениваемое отрицательно, тогда как в женском сознании присутствует сема 'уничижительная оценка'.

Чуть меньше значение исследуемого индекса у лексемы *корова*, которая девушками из города оценивается на одном уровне с *тёлкой*, а вот юношами-выходцами из сельской местности несколько ниже, чем выходцами из города. Это может быть связано с тем фактом, что сема 'глупая' в лексемах *корова* и *тёлка* постепенно перестаёт ощущаться носителями языка как доминирующая, и в случае с *коровой* – на первое место выходит уже не столько представление о низких умственных способностях женщины, а, скорее, представление о её излишнем весе – и, соответственно, по шкале ценностей именно это значение лексемы воспринимается представителями урбанистической группы более оскорбительно. Для выходцев же из села (многие из которых наверняка не понаслышке знакомы с этим сельскохозяйственным животным) образ *коровы* ассоциируется с дородностью, хозяйственностью, поэтому эта лексема воспринимается менее оскорбительно, чем номинация *тёлка* – ироничное обозначение девушки вообще. В то же время в представлении девушек обе номинации не дифференцируются и воспринимаются равно оскорбительно.

Интересны лексемы, занимающие верхние позиции в этой группе, поскольку здесь налицо **дивергенция словесных знаков**, вызываемая параметром пола, о которой мы говорили ранее. В частности, для девушек более оскорбительна лексема *ворона*, а для юношей – *утка*. Объективных причин для объяснения этого факта на данный момент мы не обнаруживаем.

Что же касается контрольного вопроса, то здесь следует сказать, что опрошенные отметили, что все представленные номинации характеризуют глупых девушек (словесные реакции «глупая» или «глупая девушка»).

Таблица 2

N п/п	Зоометафоры	Средний показатель в каждой социальной группе			Индекс инвективности
		женщины, студенты, город	мужчины, студенты, село	мужчины, студенты, город	
1.	котёнок	1,3	1,3	1	1,2
2.	мышонок	2,5	2,3	2,6	2,47
3.	кот	3,4	4	3	3,47
4.	ёжик	6	5	3	4,67
5.	воробей	6,7	5,7	4,6	5,67
6.	пингвин	7,6	5,6	4	5,73
7.	утёнок	4,8	4,7	7,8	5,77
8.	пёс	9,7	4	5,6	6,43
9.	гусь	7,8	6,7	4,8	6,43
10.	дятел	11	3	6,2	6,73
11.	щенок	9,4	5	8	7,47
12.	осёл	12	3,3	8	7,77
13.	индюк	10,7	9,3	6,8	8,93
14.	баран	11	8	9,2	9,4

Во второй тематической группе самый высокий индекс инвективности оказался у зоометафоры *баран*. Однако, если анализировать результаты по отдельным группам опрошенных, можно заметить, что абсолютный максимум эта лексема набрала только среди мужчин, причём – выходцев из города. Городские девушки считают самой оскорбительной лексемой зоометафору *осёл*, в то время как молодые люди, выходцы из деревни, – *индюк*. Именно эти лексемы расположились сразу же за лидером индекса инвективности в этой группе.

Слова этой группы, у которых индекс инвективности оказался наименьшим (*котёнок, мышонок, кот, ёжик, воробей, пингвин, утёнок*), на данный момент не несут выраженного негативного значения, тем не менее, мы включили их в опрос по двум причинам: указанные лексемы также входят в периферию концептуального поля «глупый мужчина» (согласно данным ассоциативного словаря), а также в перспективе, как мы отметили выше, в семантике этих слов возможно появление негативного смысла (см. гипотезу о том, что процесс приобретения зоонимами переносного значения рано или поздно завершается оформлением этого значения как отрицательно-оценочного).

В этой группе уже не наблюдалось единодушия в определении человеческого качества, которое номинируют все представленные лексемы. В ответах на контрольный вопрос находим следующие словесные реакции: «глупый мужчина», «глупый», «глупость», «ни на что не способный», «неумный человек», «глупая девушка». Как видим, сема 'глупость' является преобладающей, но вопрос о гендерной соотносённости предложенных номинаций, по мнению опрошенных, до конца не прояснён.

Таблица 3

N п/п	Зоометафоры	Средний показатель в каждой социальной группе			Индекс инвективности
		женщины, студенты, город	мужчины, студенты, село	мужчины, студенты, город	
1.	Кот	2,8	2,7	4	3,17
2.	Мартовский кот	4,23	4	2	3,41
3.	Заяц	3,9	2,3	4,5	3,57
4.	Жеребец	6,7	3,3	2,6	4,2
5.	Кролик	4,2	4,3	4,4	4,3
6.	Мерин	5	4,7	3,6	4,43
7.	Суслик	4,5	4	5,8	4,77
8.	Кобель	7,6	4,7	4,6	5,63
9.	Обезьяна	6	4,3	7,2	5,83
10.	Козёл	7,8	4,3	5,8	5,97

Самый высокий индекс инвективности в третьей группе оказался у лексемы *козёл* (причём, как и в случае с предыдущей группой, наибольшего показателя эта лексема набрала только у представителей одной из групп респондентов – в данном случае у девушек-студенток, проживающих в городе). Ранее в своих исследованиях мы отмечали, что для представительниц прекрасного пола (вне зависимости от возраста) эта лексема часто становится синонимом слова *мужчина* — данный факт подтверждают многочисленные статусы в сети Интернет и популярные смс-сообщения, которые используют девушки. В целом, нужно отметить, что эта лексема отличается широкой употребительностью, номинируя и сексуально активных мужчин (что мы наблюдаем в анализируемой нами группе), и мужчин с низким интеллектуальным уровнем, и воспринимается как общее гендерное обозначение с выраженной отрицательной оценкой. Любопытно, что большое количество словесных реакций также связано с наименованием водителя общественного транспорта: это может говорить об устоявшейся негативной оценке, которая даётся представителям данной профессии. Примечательность этого факта заключается в том, что данная словесная реакция пока (вспомним про временную дистанцию!) обнаруживается только в ходе лингвистического эксперимента: она ещё не получила фиксации ни в толковых, ни в ассоциативных словарях.

Заметим, что мужчины-респонденты не считают зоометафору *козёл* самой оскорбительной номинацией. Так, для представителей урбанистической среды бóльшим инвективным потенциалом обладает лексема *обезьяна*, а для выходцев из сель-

ской местности наиболее оскорбительными являются метафорические номинации *мерин* и *кобель*. Как итог – эти лексемы также получили высокое значение индекса инвективности. Зоометафоры *кот* и *мартовский кот* воспринимаются респондентами как номинации с наименьшим негативным потенциалом.

Во втором пункте анкеты мы предложили респондентам определить в каждой словесной паре наиболее оскорбительные лексемы. Все полученные результаты приводить не будем, ограничимся только общими выводами:

1) все респонденты сходятся во мнении, что в паре *ишак* – *осёл* более оскорбительной является зоометафора *ишак*, а в паре *кошка* – *сучка* таковой является последняя номинация;

2) практически полное единодушие (схожие ответы дали большинство опрошенных) находим в парах: *петух* – *индюк*: *петух* более оскорбительная номинация, *педераст* – *петух*: *педераст* более оскорбительная номинация, *животное* – *бык*: более высокая степень инвективности обнаруживается у номинанты *бык*, *дебил* – *баран*: более оскорбительное – *баран*, *лох* – *олень*: более оскорбительно *лох*, *мудак* – *козёл*: более оскорбительное – *мудак*;

3) в отношении пары *осёл* – *козёл* респонденты так и не смогли определиться, какая из номинаций является более оскорбительной. Это легко можно объяснить тем фактом, что обе лексемы часто используются как синонимичные, обозначающие распространённые общие ругательства.

В третьей части нашего эксперимента мы предложили информантам выбрать из представленной группы слов и словосочетаний по три наиболее и наименее оскорбительных: *баран*, *дятел*, *конь*, *конь педальный*, *курица*, *лось*, *овца*, *овца тупорылая*, *овца тупая*, *олень*, *осёл*, *утка*, *коза*, *дятел*, *пингвин*, *стадо баранов*.

В итоге наибольший инвективный потенциал, по мнению опрошенных, оказался у следующих лексем и словосочетаний: *овца тупорылая*, *конь педальный* и *дятел*, наименьший – у *пингвина*, *утки* и *козы*. Гендерный фактор и здесь сыграл свою роль: по мнению девушек, самым обидным оказалось словосочетание *овца тупорылая*, а вот юноши посчитали таковым ФЕ *конь педальный*. В очередной раз это подтверждает, что оценка языковых явлений, в первую очередь, зависит от половых и возрастных особенностей респондентов, которые «примеривают на себя» оскорбительность каждой инвективы.

Таким образом, в ходе нашего исследования мы определили как теоретические основания возможности использования математических методов при анализе языковых единиц анализируемой лексико-семантической группы (зоометафоры), так и представили эмпирические данные, полученные в ходе лингвистического эксперимента, которые подтверждают тот факт, что для получения полной и достоверной картины функционирования зоометафорических единиц во всём объеме их коннотаций, необходимо сочетать анализ словарей с опросом информантов. Только при таком совокупном подходе удаётся выявить гендерные особенности словоупотребления и восприятия анималистических метафор, а также представить ценностные и оценочные воззрения мужчин и женщин на примере фрагмента языковой картины мира «Фауна». Кроме того, полученные данные (обобщённые индексы инвективности) при их подтверждённости в ходе расширенного лингвистического эксперимента могут быть использованы лингвистами-экспертами при проведении лингвистических экспертиз на предмет оскорбления чести и достоинства, поскольку в результате мы будем иметь усреднённое количественное выражение языкового значения, позволяющее охарактеризовать языковые единицы, которые в текстах словарных дефиниций имеют идентичные пометы.

Список литературы

1. Лапшина М. Н. Семантическая эволюция английского слова (изучение лексики в когнитивном аспекте). – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1998. – 159 с.

2. Киприянова А. И. Функциональные особенности зооморфизмов (на материале фразеологии и паремиологии русского, английского, французского и новогреческого языков). // Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. – Краснодар, 1999. – 23 с.
3. Дерюгина Е. В. Деривация и семантическая транспозиция как основа формирования номинаций фрагмента языковой картины мира «Фауна» // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – Вып. 4. – Челябинск, 2011. – С. 209 – 219.
4. Харченко В. К. Современная повседневная речь. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 184 с.
5. Караулов Ю. Н. Языковая личность. – М.: КомКнига, 2010. – 264 с.
6. Гукетлова Ф. Н. Образная основа внутренней формы зооморфизмов как смыслообразительный фактор мировидения // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – Вып. 2. – 2009. – С. 121 – 125.
7. Фролова О. Е. Переносные значения названий животных в толковых словарях (антропоцентрический аспект) // Русский язык в научном освещении. – Вып. 2 (10). – 2005. – С. 137 – 158.
8. Заботкина В. И. Культурный контекст и лексикон // Английский лексикон в лингвистическом и культурологическом пространстве. – М.: Изд-во Московского государственного педагогического института иностранных языков, 1992. – С. 75 – 83.
9. Антонова А. Б. Роль зоонимов в репрезентации понятийной, образной и оценочной составляющих концепта DRINK // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – Вып. 4. – 2010. – С. 149 – 155.
10. Солодкин Р. Я. К вопросу о терминологических особенностях обозначения наименований животных во вторичной номинации // Сборник трудов молодых учёных / [отв. ред. А. А. Алексеева]; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова; Фак. иностр. яз. и регионоведения. – Вып. 4. – М., 2009. – С. 68 – 73.

USING THE INDEX OF INVECTIVE IN CHARACTERIZING ZOOMETAPHOR IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

A.S. Maslov

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
maslov_as@bsu.edu.ru*

The paper presents a theoretical ground the possibility of using mathematical methods in determining the linguistic features zoometafors in the Russian language. It characterizes the frequency of zoometafors using with the index invective (the representation of invective seme in a token) based on a linguistic experiment.

Keywords: zoon, zoosemizm, zoomorphism, zoological metaphor (zoometaphor), index of invective, invective seme, language world picture, gender characteristics, divergence of verbal signs.